

Наринэ Абгарян

ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ
ВСЕГДА
СО МНОЙ

Издательство АСТ
Москва

Предисловие

Армянское нагорье видело на своем веку много прекрасного: языческие капища — с жертвенными хородами, обращенными к солнцу крашенными хной ладонями жрецов и жриц; острокупольные апостольские храмы — в бедном убранстве, аскетичные, в годы чужеродного владычества молчаливые, но несогбенные; домотканые ковры — шелковые или тяжелой шерстяной пряжи, огромные, с карминными разводами вортан кармира¹; рвущие душу песнопения — песнь пахаря, песнь зари, песнь урожая, песнь провожающих на войну, песнь встречающих с войны. Песнь убаюкивающая и песнь пробуждающая. Песнь исцеляющая и песнь оплакивающая...

Армянское нагорье насквозь пропитано кровью и слезами. Много горя оно повидало на своем веку: бес-

---

¹ Кошениль, маленькие червецы, обитающие в корнях растений, из которых получали насыщенную алую краску. Карминный алый так и называли — вортан кармир.

конечные войны — выматывающие, несправедливые, жестокие; междоусобицы — братоубийственные, разрывающие страну на части. Каждый завоеватель, будь то Сасанидская Персия, монголо-татары или Османская Турция, неизменно придерживался одной и той же тактики — покорив страну, переселял местное население на новые территории — лишенный исторических корней народ быстрее ассимилируется и теряет свою национальную самобытность. Опустевшие земли заселялись тюркскими кочевыми племенами.

Особенно тяжело пришлось во времена правления персидского шаха Аббаса I. По свидетельству историков, Аббас I угнал вглубь Персии практически все население Армении, а крупные армянские города просто стер с лица земли. Он был предусмотрительным правителем и понимал, что люди всегда будут возвращаться, если есть куда вернуться.

Единственными, кто не подчинился указу шаха, были армяне Карабаха. Карабахские мелики — князья — собрав свой народ, ушли в неприступные горы и организовали такое мощное сопротивление, что персидский шах махнул рукой — шайтан с ними, пусть живут в своих скалистых ущельях, все равно помрут с голода.

С голода карабахцы не погибли. Через какое-то время они покинули ущелья, спустились в низины и организовали Карабахское ханство — пять княжеств, объединенных в Хамсу¹. Карабахская Хамса оказалась не по зубам кочевникам — они раз за разом штурмовали неприступные земли и с большими потерями, несолоно хлебавши, отступали. Постепенно в мятежный край стали стекаться армяне, которые, спасаясь от на-

¹ От армянского «хамс» — пять.

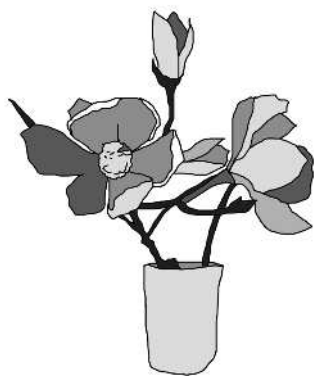
шествия, прятались в высокогорьях — Тавушском и Лорийском. Теснимые набегами тюркских племен, они стягивались к единственному непокоренному бастиону — восточному осколку когда-то огромной и могучей Великой Армении — Нагорному Карабаху. Их принимали с распростертыми объятиями, обеспечивали жильем, едой и оружием.

В один промозглый февральский день с севера, с ущелья горы Мургуз, прибыл груженный нехитрым скарбом обоз — восемнадцать больших телег. Просить пристанища приехали четыре тавушских рода — Мелкумяны, Меликяны, Атояны и Меликбекяны. Из ста пятидесяти человек до места добрались восемьдесят семь, остальные погибли от холода, голода и болезней — переход через ледяной перевал оказался долгим и мучительным. На протяжении двух веков Карабах был их пристанищем — до той поры, пока войска Российской империи не вторглись в Закавказье и не отвоевали у Персии его значительную часть. Приход русских ознаменовал конец многовекового унижительного рабства.

В начале XIX века его императорское величество Александр Первый, а затем и его брат Николай Первый, в попытке сделать предсказуемым и управляемым подбрюшье Российской империи, затеяли грандиозный проект — этническое размежевание и переселение закавказских народов с мест их так называемого вынужденного проживания в места исторические. С первой волной переселенцев домой вернулись потомки тех четырех тавушских родов. Они привезли с собой карабахский диалект, кухню и традиции. Под развалинами старой крепости они воздвигли свои новые сакли — старые были разрушены кочевниками. И потянулись из

каменных печей к небесам прозрачные дымные пряди, и завели петухи свою победную песнь зари, и застучали тяжеленные молоты кузнецов — мужчины рода Меликян испокон века были хорошими оружейниками, лучшими в Тавуше. И заплелась в причудливый узор шерстяная пряжа — женщины рода Мелкумян создавали знатные ковры «технахундж», ярко-желтые по всему полю и темно-узорчатые по центру, с бесконечным вплетением знаков и символов по украшенным шелковой бахромой краям.

И вновь появился на ладони мира стертый когда-то до основания городок Берд, названный в честь старой полуразрушенной крепости, что возвышалась на вершине рыжей горы. Ибо «крепость» в переводе на армянский — «берд».

Девочка

Петухи кричали так неистово, словно, заново сотворивши мир, спешили поделиться со всеми радостной вестью. Утро стояло ясное и чистое, проводи рукой по макушкам кипарисов — и наберешь полную горсть прохладной росы. Яркие в густой южной ночи звезды к рассвету обиженно взмывали ввысь, в стремительно бледнеющие небеса, и, тускло мерцая, исчезали в бескрайней высоте.

Нехотя отступала утренняя дымка: цепляясь за колючие ветви малинника, клубясь марлевым рваным покрывалом над кривеньким деревянным частоколом, она низко стелилась над самой землей и, обреченно отступая к ущелью, растворялась навсегда, оставляя на пологих камнях влажные недолгие следы.

Густо замычала корова — это соседка Вардик вывела свою Маришку из темного хлева. Маришка привычно потянется к забору, толкнет лбом калитку, выйдет

на улицу и побредет вдоль по неровной узкой дороге в сторону речки. Там, внизу, на старом низеньком мосту уже собралось небольшое стадо. Древний пастух, сидя поодаль на большом, торчащем среди буйно зацветшего просвирняка камне, пыхтит самокруткой. Над седыми, пожелтевшими от табачного дыма усами нависает горбатый нос, из-под кустистых бровей глядят выцветшие от возраста глаза, сухонькая голова покрыта теплой шерстяной шапкой. Перекатываются с тихим шорохом в огрубевших пальцах камни четок — шур-шур, шур-шур. Тридцать три полустертых продолговатых камня да строгий крестик, свисающий с самого края.

Маришка неспешным шагом дойдет до обрыва, свернет с каменистой дороги к кромке и станет осторожно спускаться по козьей тропе. Старик пастух, жуя самокрутку, невозмутимо будет наблюдать ее медленный ход. В какой-то миг на остром каменном повороте Маришка споткнется, остановится и беспомощно замычит. Стадо заволнуется, пойдет беспокойной рябью и тревожно замычит в ответ.

Тогда лежащая у ног пастуха огромная кавказская овчарка Найда с человеческим вздохом поднимется на лапы и потрусит вверх по тропинке. Она коротко гавкнет, в два длинных прыжка достигнет Маришки, аккуратно подцепит зубами веревку, свисающую с ее шеи, и требовательно дернет вниз. Маришка еще раз замычит и послушно пойдет за Найдой, ступая по самой кромке тропы и тяжело ходя крутыми боками.

— Безрогая ты скотина, вот ты кто такая, Маришка. — Старик поднимется, отряхнет колени, с трудом выпрямит спину. — Спотыкаешься на одном и том же выступе, иех! Цо! Цо! — призывно поцокает он стаду и медленно пойдет на восход — мимо развалин старой кре-

пости, мимо виноградника, мимо пшеничного большого поля, туда, где под лучами просыпающегося солнца шелково простираются бескрайние поля. Стадо будет преданно идти рядом, иногда заходить вперед и нехотя наступаться, пропуская редкие утренние машины.

— Здравствуйте, уста Амбо! — станут здороваться водители, почтительно притормаживая рядом. — Как здоровье?

— Здравствуй и доброй тебе удачи, — важно будет отвечать им старик, — на работу небось?

— На работу, а как же!

— Вот и мы на работу. — И пастух, тяжело опираясь на корявую палку, побредет дальше. Навстречу ему уже всю розовеет небо, переливаясь по самому краю золотой гладью, еще чуть — и появится огненный бок солнца. Медленно, словно нехотя, оно выкатится из-за горизонта, на секунду замрет на круглом плече холма, а потом рывком поднимется высоко, исходя благотворным теплом.

— Охаааа-ай, — старик остановится, заслонит ладонью глаза, — охааай! Пусть слава Твоя будет вечной, Господь-джан! — И повторит еще раз, уже шепотом, словно заклинание: — Пусть слава Твоя будет вечной!

И Господь ответит ему, обернувшись птичьим щебетом, ласковым ветром, звонкой волной бегущей среди камней речки:

— Пусть слава твоя будет вечной, Амбо-джан.

Утро

Мама спускается по ступенькам, прихватывает кончиками пальцев тяжелые металлические перила, шлепки весело стучат по ее пяткам. Мама в моей ко-

сынке, она сложила ее несколько раз вдоль в длинную широкую ленту и обвязала смешным узлом надо лбом. Я иду следом и бурчу. Не то что мне не нравится, что она ходит в детской косынке с синими колокольчиками по голубому полю, я просто глухо раздражаюсь, даже не знаю почему. Хочется держать маму за подол платья и не отпускать. Поэтому я хмурюсь, но ничего не говорю, только иду следом и вздыхаю про себя.

— Прекрати душераздирающе вздыхать, — говорит мама, — лучше забери у меня бидончик.

Бидончик эмалированный, белый, с букетом желтых цветов на оттопыренном толстеньком боку. Я поднимаю крышку и заглядываю внутрь. Пусто. Еще бы не пусто, последнее молоко сегодня пустили на кашу. Я честно пыталась ее съесть. Но она невозможно гадкая на вкус! Хотя по виду совсем не скажешь: белая густая гладкая масса, а по центру — растаявший островок сливочного масла. Очень здорово представлять, что ложка — это лезвие конька, и чертить ею на белом катке замысловатые бороздки. Тогда по этим бороздкам тоненьким ручейком бежит желтое растаявшее масло. Красота красотой, а есть невозможно.

Иногда так бывает. Снаружи одно, а внутри — совсем обратное. И не поймешь, зачем оно так устроено.

Мама расстраивается, когда я не ем. Говорит, что я ее в гроб вгоню своим упрямством. А еще говорит, что я так с голоду помру, и в школу меня не возьмут. Очень надо. Небось в школе тоже кормят манной кашей! Ну какой бесчеловечный человек ее придумал, эту манную кашу? Почему бы ему что-нибудь хорошее на завтрак было не придумать? Мороженое или конфеты? Опять же печенье?

— Не греми так бидоном, — говорит мама, — и смотри под ноги.

Мы идем покупать молоко к соседке Вардик, у которой корова Маришка. Маришка уже давно пасется в поле, тетя Вардик с утра подоила ее и выпустила за ворота — к стаду. А молоком она приторговывает, чтобы прокормить семью. Потому что муж тети Вардик, дядя Леван, совсем не работает. У него больные ноги. Он ходит с большим трудом, и я боюсь к нему подходить. Ведь при ходьбе он качается так, словно его заносит сильным ветром то в одну, то в другую сторону. Того и гляди упадет. Вот я и боюсь к нему подходить, вдруг он как-то не так качнется и свалится на меня? Дядя Леван весь из себя бородатый, и лицо у него такое, как бы сказать... Морщинистое лицо, некрасивое. Но глаза добрые-добрые. Он мне из хлебного мякиша слепил фигурку с шестью выступающими краями, она немного нескладная, но очень забавная и смахивает на юлу. А самое забавное в этой фигурке то, что, как бы ты ни старался и с какой бы силой ни запускал ею в пол или в стену — выступающие края не ломаются и даже не мнутся. Не понимаю, откуда взрослые такое придумывают.

Они вообще умные, эти взрослые, вот если бы еще манную кашу не придумывали! Ей-богу, словно никогда детьми не были. Вырастают и забывают все свои детские невкусности.

Дядю Левана я люблю и всегда здороваюсь с ним через забор. А тетя Вардик мне совсем не нравится. У нее громкий колючий голос и голубые прозрачные глаза. Они смотрят будто сквозь тебя, и взгляд из них холодный-холодный. А по центру торчит маленький черный круг зрачка. Такое впечатление, словно кто-то

злой сидит в ее голове и через зрачки следит за тобой. Неприятное ощущение, очень. Мне почему-то кажется, что мама тоже не любит тетю Вардик и ходит к ней с большой неохотой. Если только дома вдруг нет молока, а в магазине оно уже закончилось. Такое часто бывает, продуктовый у нас маленький, и там всегда длинные очереди. Не успел вовремя — и уже не купишь ни молока, ни какого-нибудь другого продукта. Сыра, например.

Мы идем сначала по нашему двору, потом по саду нани¹ Тамар: мимо низенькой яблони, потом мимо обмотанных газетой подсолнухов. Они смотрятся очень смешно, эти подсолнухи — высокий зеленый стебель с торчащими большими листьями и мятый газетный узел вместо семечкового круга. Подсолнухи обматывают, чтобы птицы не склевали семечки. Нани Тамар берет у нашего деда прочитанные газеты, которые называются «Правда», и завертывает ими большие головки подсолнухов, а края газет стягивает суровой ниткой. И стоят подсолнухи, словно болят ангиной, с обмотанными горлом и головой. Только птички иногда попадают такие смышленные, они выклевают в газете дыру, и если вовремя не спохватиться, то пиши пропало, нет твоих семечек, как не бывало. И я по этому поводу знаете чего думаю? Что каждый в этом мире хочет есть, и ничего с этим не поделаешь.

В общем, идем мы мимо подсолнухов, мимо кустов роз, мимо вишни, мимо черной туты, последние ягоды, большие, тяжелые, так и просятся в рот, только кто их станет есть, все уже устали от туты. Так что мы идем дальше, я гремлю бидончиком, а мама что-то напевает себе под нос, у мамы красивый голос; когда она поет,

¹ Прабабушка.

все замолкают и с удовольствием слушают. Жаль, она очень редко поет.

Потом мы поворачиваем к старой каменной печи — она большая и уютная, с кривенькой крышей и тяжелой металлической заслонкой. Эта заслонка словно кляпом закрывает выгнутый подковой рот печи. Когда бабушка Тата печет хлеб, она сначала жарко растапливает печку, потом, как только дрова выгорают, выгребает в сторону угли и раскладывает внутри большие круглые хлеба. От печи несет таким жаром, что Тата отворачивается и дышит мелко-мелко. И тут главное не путаться под ногами, чтобы она успевала сначала длинной деревянной лопатой раскладывать взошедшие круги теста, а потом вытаскивать хрустящие ароматные караваи.

Сразу за печкой узкая тропинка, резко повернув направо, упирается в деревянный перекошенный забор. Нужно встать возле этого забора и позвать тетю Вардик. Тогда она выйдет из дома, заберет у нас бидон и вернет через несколько минут, доверху наполненный молоком. Дом у тети Вардик каменный, двухэтажный, с большой застекленной верандой и деревянным балконом. Во дворе пусто, и это хорошо. Значит, они наконец привязали своего Гектора. Гектор — большой дворовый пес, почему-то очень злой, он кидается на всех, а особенно — на детей. Позавчера погнался за мной, я испугалась и побежала, потом споткнулась и растянулась в пыли. Гектор подскочил и страшно лаял мне прямо в затылок. Если бы не Витька, который вынырнул откуда-то из-за угла и отвлек его на себя, то пес, наверное, укусил бы меня.

Теперь я боюсь Гектора и редко одна выхожу за калитку.

— Вардик-тёооо-тя?! — зовет мама.

— Иду! — Тетя Вардик выходит на порог, руки у нее большие и мокрые. Она привычным жестом цепляет край фартука, вытирает ладони, забирает бидон и сменит к дому.

— Mam? — Я дергаю маму за подол платья.

— Да. — Мама смотрит на меня сверху вниз, густая челка лезет в глаза, над челкой смешным узлом топорщится моя синяя косынка. Когда-то у мамы были длинные-предлинные волосы, а теперь они совсем короткие.

— А зачем ты все-таки повязала косынку?

Она поправляет челку и смеется.

— Тебе не нравится? Сейчас модно носить такие узлы на голове, вот и я не отстаю от новой моды. Что скажешь?

Когда мне говорят «что скажешь», я сразу надуваюсь как индюк. Мне нравится, что у меня спрашивают мнения. Словно я уже совсем взрослая и много чего умного знаю. Вот и сейчас, важно надувшись, я отвечаю маме:

— Ну если тебе нравится, то ходи с этим узлом на голове. — И, чуть подумав, добавляю: — Мне тоже нравится!

— Вот спасибо. — Мама наклоняется и прижимается щекой к моей щеке. — Ты моя девочка!

Я крепко обхватываю ее за шею и, хоть понимаю, что говорить об этом неправильно, но все равно шепчу:

— Mam, а почему ты ночью плакала?

Мама резко освобождается, выпрямляется и снова смеется. Только смех у нее теперь совсем не лучезарный, а такой, знаете ли, грустный смех, деланный.

— И ничего я не плакала, дочка, просто мне снился плохой сон, вот я и проснулась от страха. — И она делает беспечное лицо.